

УДК 398(470.62)

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСТНОМ НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ НИЖНЕТЕРСКИХ КАЗАКОВ

М.Б. Гимбатова,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

gimbatova@list.ru

Аннотация: В статье рассматриваются образцы устного народного творчества нижнетерского казачества, в которых прослеживаются нравственные устои, коммуникативные возможности, коды гендерного поведения, стереотипы и образцы мужского и женского поведения в семье и обществе. Показано, как с помощью фольклора в обществе поддерживались оптимальные стандарты и модели правильного поведения и высмеивались нарушения и отклонения от традиционных устоев нижнетерцев.

Образцы устного народного творчества нижнетерских казаков демонстрируют интеллектуальное превосходство мужчины в семье и в обществе и подчиненное положение женщины, с ее чувственным, эмотивным миром.

В фольклоре стереотипизируется семья как ценность, оберегом которой выступает женщина. С женщиной связаны такие понятия, как семья, родина, земля, все эти феминные начала охраняются мужчиной, который представлен как сильная доминирующая личность.

В большинстве произведений базовым гендерным стереотипом выступает патриархатный стереотип, согласно которому мужчина играет главенствующую роль, женщина – пассивную. Более наглядно это представлено в прозаических произведениях – легендах, семейно-бытовых сказках, обрядовых, календарных, семейно-бытовых, лирических песнях, пословицах, поговорках, загадках, в которых мужчина и женщина выполняют гендерно-маркированные работы: женщина выполняет типичные работы, связанные с ведением домашнего хозяйства, воспитанием детей, мужчины – участвуют в походах, выполняют работы вне дома.

Благодаря устному народному творчеству у подрастающего поколения складывалось представление о добре, красоте, правде, храбрости, трудолюбии, верности, происходило приобщение их к общечеловеческим нравственным ценностям, формировалось чувство патриотизма и уважения к прошлому своего народа.

Ключевые слова: нижнетерские казаки, гендерные отношения, стереотипы поведения, фольклор.

REFLECTION OF GENDER RELATIONS IN ORAL FOLK ART OF THE LOWER TEREK COSSACKS

M.B. Gimbatova,

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Makhachkala

gimbatova@list.ru

Abstract: The article deals with the samples of oral folk art of the Lower Terek Cossacks, in which moral principles, communication opportunities, codes of gender behavior, stereotypes and patterns of male and female behavior in the family and society, are observed. The author analyzes the

way folklore helps to maintain optimal standards and models of correct behavior in the society and mocks at violations and deviations from the traditional foundations of the Lower Terek Cossacks.

The samples of the oral folk art of the Lower Terek Cossacks display the intellectual superiority of the man in the family and in the society and the subordinate statue of the woman and her sensible emotive world. In folklore, the family is stereotyped as the value, which is guarded by the woman. Such concepts as family, motherland, land are associated with the woman and all these feminine principles are protected by the man who is presented as a strong dominant personality.

In most works, the basic gender stereotype is a patriarchal one, according to which the man plays a dominant role and the woman plays a passive role. This is more clearly illustrated in prose works – legends, family-household fairy tales, ritual, calendar, family-household and lyrical songs, proverbs, sayings, riddles, in which the man and the woman do gender-marked work: the woman performs activities related to housekeeping and up-bringing of children, and the man participates in campaigns, performs work out of home.

Thanks to oral folk art, young generations get an idea of goodness, beauty, truth, courage, diligence, fidelity, oral folk art familiarizes them with universal moral values, cultivates patriotism and respect for the past of their people.

Keywords: Lower Terek Cossacks, gender relations, behavioral patterns, folklore.

Большое место в духовной жизни нижнетерских казаков занимает устное народное творчество. В нем в многогранной и яркой форме отображены историческая судьба народа, его военный и трудовой опыт, самобытная культура.

К числу наиболее древних произведений устного народного творчества нижнетерцев как субэтноса русского народа, относятся былины. Особенно популярны среди нижнетерцев известные русские былинные герои (Илья Муромец, Алеша Попович и Добрыня Никитич). В былинах и героическом эпосе русских находит художественное отражение героическая борьба народа против врагов, иноземных захватчиков. Наряду с героической темой, которая является основной в русских былинах, прослеживается и тема взаимоотношения полов. Былины подтверждают мифологическую обусловленность социального статуса женщины в традиционной семье. Особое место в них занимает образ земли Русской, которая ассоциируется с матерью («мать сыра земля»). Не случайно у нижнетерских казаков существует запрет бить палкой по земле: это все равно, что бить свою мать, которая родила тебя.

Земля, как и женщина, в былинах обладает репродуктивными способностями – она производительница, кормилица, то есть феминное начало связано, в первую очередь, с природой. В то же время часто встречаемое словосочетание «родная земля» говорит о том, что земля (женщина) не только кормилица, но и символ Родины (семьи) [12, с. 1].

«Женское» и «мужское» ассоциируются также с определенными характеристиками личности. Так, к феминному относятся, в первую очередь, такие черты характера, как преданность, нежные чувства к собственным детям:

*«Ай честна вдова да Офимья Александровна,
Говорила ему да таковы слова:
«Ну вот, ай мое да чадо милое!
Что же ты и с пиру не весёл пришел,
Не весёл пришел, нерадошен?
Или место там тебе было не по чину,
Или чарой там тебя приобноси,
Наконец, куда топерь да отправляешься,
Да далеке ли топерь да отдаляешься,
К нам во терем ты да не являешься?
Нам когда тебя топерь в окошечко посматривать?» [2, с. 240].*

Для мужчин характерна рациональность, расчетливость. Так, самым хитрым богатырем по праву считается Алеша Попович:

*«Как тут Задолице поганое
Замахнулся он кинжалом-то булатным,
Что срубить Олеше буйну голову;
Да как был Олешенька востер собою,
Завернулся он за ту гриву лошадиную,*

*Промахнулся тут Тугарин тот неверный,
Ушло с рук кинжало булатное,
Ушло в землю до череня» [4, с. 195].*

Природа противопоставляется разуму и воле, как женское начало мужскому в пользу первенства маскулинности. В этом доминировании и заключается стереотип восприятия женского как вторичного, дополняющего.

По-разному выбирают былинные героини стратегии для убеждения: мужчинам свойственно применение силы, военной мощи, а женщинам – эмотивной сферы:

*«Говорила тут Добрыне родна матушка:
Ай же, свет, моё цудо любимое,
Ты молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Ты на добром коне в чисто поле поезживашь,
Да ты малых змеёнышев потапты- вашь.
Не съезжай-ко ты, молоденькой Добрынюшка,
Да ты далече далече во чисто поле,
Ко тым славным горам да к сорочинским,
Да ко тым норам да ко змеиным,
Не топчи-ко ты там малых змеёнышев,
Не входи-ко ты во норы в змеиные,
Не выпускай-ко полонов оттуль расейских;
Не съезжай-ко ты, молоденькой Добрынюшка,
Ко той славной ко матушки к Пучай- реки,
Не ходи-ко ты купаться во Пучай-реки,
То Пучай-река очюнь свирипая,
Во Пучай-реки две струйки очюнь быстрых:
Перва струечка в Пучай-реки быстрым быстра,
Друга струечка быстра, быдто огонь секет» [4, с. 6].*

Таким образом, в русских былинах сфера интеллектуального принадлежит мужчинам, а чувственная, эмотивная – женщинам. В былинном фольклоре стереотипизируется семья как ценность. Несмотря на «подчиненное» положение женщины, она все-таки является оберегом семьи, культ которой пропагандируется в былинах. Семья, родина, земля – все эти феминные начала охраняются мужчинами [12, с. 5].

В большинстве произведений в качестве положительных образов выступают сильный доминирующий мужчина и слабая, зависимая, пассивная женщина. Данные образы характерны для произведений, где базовым гендерным стереотипом выступает патриархальный стереотип. Более наглядно он представлен в прозаических произведениях – легендах, сказках.

В «патриархальных» сказках женщины выполняют типичную работу, связанную с ведением домашнего хозяйства, мужчины – участвуют в походах, выполняют работы вне дома. Главенствующая роль в семье и обществе принадлежит мужчине, женщина находится в подчиненном, зависимом от него положении. В качестве примера приведем сказку «Марфа». Вкратце содержание этой сказки таково. Казак по имени Василий и дочь купца Марфа влюбляются и вопреки воле отца девушки женятся. После женитьбы Василий отправляется в поход, а Марфа остается дома со свекровью и исправно ведет домашнее хозяйство. По наущению завистников супруги расстаются: Василию передают, что Марфа в его отсутствие заводит знакомства с посторонними мужчинами, а свекрови передают письмо от сына, в котором он якобы требует, чтобы мать прогнала из дома невестку.

Неграмотная свекровь просит Марфу прочитать письмо и пересказать его содержание, но невестка читает его про себя, после чего, ничего не сказав, покидает дом мужа.

По возвращении сына мать сообщает ему о случившемся и дает прочесть письмо. Выясняется, что оно написано бывшим женихом Марфы Ильей, который то и дело мечтает разлучить любящих супругов.

Проходит время и Марфа находит Василия смертельно раненым и выхаживает его. Василий вызывает Марфу на откровенный разговор, в ходе которого выясняется правда. В итоге они прощают друг друга и вновь воссоединяются.

Как видно из содержания сказки, в ней четко прослеживается гендерное разделение труда, поведение основных персонажей соответствует патриархатным стереотипам. Главная героиня обладает набором определенных психологических черт, предписанных ей рамками данного стереотипа, такими как терпение, покорность, жалость, сострадание, нежность, доброта, мягкость, жертвенность, стремление к сохранению гармонии в межличностных отношениях.

Наряду с психологическим портретом, передан и её внешний облик, который соответствует «патриархатным» представлениям о женской красоте. Так, сказочник сообщает: «Марфа, такая красавица, руки белые, уста сахарные, шея лебединая, талия осиная, походка как у павы».

Тема взаимоотношений полов нашла отражение и в сказочной сатире нижнетерских казаков. Сатирические сказки обнажали различные стороны жизни, выявляли конфликтные ситуации, семейно-бытовые проблемы, обличали человеческие пороки.

Как известно, в патриархатной модели мира с фиксированным распределением статусных функций сатирическому осмеянию подвергались те аспекты проявления субъективности, которые нарушали уже сложившийся принцип распределения власти. С этой позиции обладание властью нормативно для мужских персонажей, а ситуация «лишения власти» – для женских. В результате сказочные женские персонажи становились предметом сатирического осуждения, т.е. суда общественного мнения [8, с. 103]. Для подтверждения данного тезиса приведем сказку «Злая жена в яме»: «Жил один хозяин. У него была хозяйка, такая иезуитка, что надоела она ему, и он решил отвести ее куда-нибудь в лес, или убить, или привязать, в общем избавиться от нее. Раз он едет с ней, и решил там ее уничтожить. Едут они по зарослям, попадается им старый колодец – глубокий, глубокий. Ну он и думает: убивать жену жалко, давай я ее в колодец опущу. Берет ее, связывает руки и опускает ее в этот колодец. Опустил, поворачивает тележку и едет домой. Остался он один без хозяйки. А в этом колодце жила змея. День-два он один пожил, ну как ни говори – жены ему жалко, берет буханку хлеба и длинную веревку. «Повезу, думает, веревку и опущу на ней хлебину в колодец». Когда он опустил эту буханку хлеба и стал оттуда тянуть, что-то тяжелое тянется. Когда он выхватывает, оттуда змея здоровая прездоровая выскочила. И он смотрит: что же это такое. Змея от него отскочила и заговорила человеческим голосом: «Спасибо тебе хозяин, что ты меня избавил от такой иезуитки. Я, – говорит, – когда была здесь одна бедная, но спокойная. Никто не ворчал, ни гнал. А когда эта женщина появилась в колодце – только и слышишь: гыр-гыр».

– Так вот и я мучился с ней, что бросил ее в колодец.

– Я тебя, – сказала змея, – сделаю богатым. И сразу скрылась от него – и нету, только он ее и видел.

У одного богатого купца была красивая дочь, она пошла в сад прогуляться; и вот там появился удав. Он облепил ее, и прижал к дереву, и держит. Все боятся подойти и не знают, как спасать. У кого купец не просил, какие объявления не писал, – девушку никто спасти не соглашается. Эта змея, которую тот охотник спас, налетает на удава и кричит: «Удаляйся, а то там в колодце живет такой урод – что все от нее бегут». А купцу змея говорит: «Вот такого-то человека быстро требуйте сюда».

Сообщили тому охотнику привезти его. Он говорит купцу: «Дайте мне хорошего коня и саблю». И начинает он скакать. До тех пор скакал, пока не умылил коня. И на этом умыленном коне подскакивает к змее и кричит: «Вот такой урод, который сидит в колодце, придет, и конец будет». И удав уполз. И этот богач его наградил за спасенье дочери и сделал богатым» [6, с. 101–102]. Как видно из содержания сказки, главный герой отстаивал свое главенство в семье, он оставляет «непослушную» жену и женится на той, которая соответствует мужским представлениям об идеальной жене. Следует отметить, что подобная сказка бытует у других народов Дагестана, в частности, у ногайцев и кумыков [3, с. 274–276].

Итак, любое посягательство женщины на мужскую власть вызывало общественное осуждение, а «ирония и насмешки превращались в репрессивную санкцию, где механизм стыда, формирующий эмоцию вины, использовался в качестве рычага контроля» [7, с. 269].

Общественное осуждение вызывало и женское упрямство. Упрямая жена, пытающаяся сделать все наперекор мужу, становится объектом гендерной сатиры.

Цель сатирических сказок об упрямой жене – показать превосходство мужчины над женщиной, что «продиктовано самим принципом патриархатной власти, где фаллическая фигура мужа, отца и брата требует пространства для репрезентации механизма репрессии, формой которого становится сатирическое осуждение» [8, с. 105]. Этому свидетельствуют и разные высказывания, авторами которых, судя по всему, являются мужчины. Так, казаки говорят: «Бабий

ум – что перекаати-поле», «У женщины волос долог, да ум короток», «Курица не птица, а баба не человек», «Курице не быть петухом, а бабе мужиком», «От нашего ребра нам не ждать добра», «Бабе дорога – от печи до порога» «Стели бабе вдоль, она меряет поперек», «На женский норов нет угодчика», «Женские умы – что татарские сумы», «У бабы семь пятниц на неделе», «Сварливая баба хуже козлятины», «Две бабы – базар, три бабы – ярмарка, четыре бабы – скандал».

Любая попытка женщины утвердить себя или заявить о себе в символике культуры, расценивалась как посягательство на нарушение норм самих культурных оснований, а потому вызывала пресечение в виде смеха [8, с. 105].

В этом плане показательна сказка «Жена-спорщица». «Один казак женился, и ему попалась жена – такая спорщица, такая «противная», что хуже да и не надо: чем больше живет с ней, тем «противней» она делается. Муж ей скажет: «неси дров – печь топи», а она воды принесет; скажет ей муж: «пойди – воды принеси», а она травы принесет; муж скажет: «пойдем картофель огребать», а она серп возьмет, да жать пойдет.

Муж и думает, как бы от жены отделаться, и придумал, наконец. Раз сидит он утром с женой и говорит: «На той стороне речки да и малина хорошая! – только ты не ходи рвать ее: я не хочу, а лучше возьми кошелку да ступай – грибов набери». А протекала речка возле их дома, напротив которого был мост через нее, а вверх по течению лежала «кладка», но уж очень плохая – ходить было опасно по ней. Жена и говорит: «пойду за малиной». – «Я же тебе говорю – не ходи, а то ты пойдешь, да, пожалуй, еще через кладку! Уж идти – так хоть через мост. – Вот нарочно пойду через кладку!». «Ну хорошо, – только ты не вздумай на кладке подпрыгнуть». – «Нарочно подпрыгну – это уж мое дело!». – «Да ты утонешь!», говорит ей муж. – «Утону – так утону!», – отвечает жена. Взяла она кошелку и скорей из хаты, да к реке; но не пошла через мост, а через кладку; дошла до середины реки, да как прыгнет: кладка переломилась, а баба упала в воду и утонула. Видит мужик, что жена утонула, взял багор и пошел жену искать вверх по течению. Встречаются люди – спрашивают: – «Что делаешь?» – «Жену ищу: утонула недавно». – «Где утонула?». – «На кладке стояла: кладка переломилась, а жена в воду упала». – «Да зачем же ты ищешь ее здесь? Тебе нужно искать вниз по течению, а та против течения». – «Эх, да ведь она у меня «противная» была, – все напротив делала: наверно, она вверх поплыла» [9, с. 123–125]. Многочисленные вариации сказки об «упрямой жене», упавшей в реку, которую муж спасал или же искал, но не по течению, а против, потому что она и после смерти вопреки разуму сделает все наоборот, бытуют и у других народов Дагестана [3, с. 277].

С помощью сказок, обращаясь к библейским сюжетам, мужчины стремились обосновать свое превосходство над женщинами, утверждая тем самым, что оно дано им изначально самим Богом. Таковы сказки «Почему женщина находится в подчинении у мужчины», «Можно ли верить женщине?» [10, с. 183–189]. Так, в сказке «Можно ли верить женщине?» повествуется о том, как царь Соломон, переодевшись странником уличил в неверности собственную мать, которой он безраздельно доверял и верил. «Была у Соломона мать, женщина очень строгая, целомудренная и благочестивая. Как-то раз Соломон спросил ее: «Есть ли на свете такая женщина, которая была настолько целомудренна, что не променяла бы свою женскую честь никакими богатствами в мире?». Рассердилась мать на Соломона за такие слова и говорит: «А твоя мать разве не добродетельная женщина?! Да пусть мне со всего света навезут богатства и то я не соглашусь преступить свой супружеский завет». Ничего Соломон не сказал ей, а про себя подумал: «Хорошо! Посмотрим, правду ли ты говоришь?». Заперся он в комнате и начал думать, чтобы это такое устроить, чтобы мать соблазнить. Думал-думал и придумал зеркало. Нарядился он странником, лицо себе красками раскрасил, чтобы его никто не узнал; вышел незаметно из дворца и идет мимо горницы матери. А мать его в это время под окном сидела. Увидела она странника и спрашивает: «Что ты, странник, шатаешься здесь? Разве ты не знаешь, что здесь дворец мудрого царя Соломона, и всякому сброду тут не полагается шляться?».

– «Я ваших порядков не знаю, – отвечал Соломон, – пришел я из дальних стран спросить царя Соломона, не купит ли он у меня одну вещь».

– «А ну, покажи, что там у тебя за вещь», – говорит царица.

Соломон вытащил из мешка зеркало и показал ей. Как увидела царица в зеркале свой образ, так и ахнула от удивления.

– «Сколько, – говорит она, – просишь за эту вещь?».

– «Я за деньги не продам ее, а подарю тебе ее так, если ты согласишься нарушить со мною супружескую верность».

Рассердилась царица и говорит: «Ах, ты хамово отродье! Смеешь ли ты мне такие дерзкие речи говорить? Ведь я царица, мать Соломона!».

– А для меня все люди равны, что цари, что простые. Я тебе предлагаю вещь, хочешь купить за эту цену – покупай, а не хочешь – я пойду; вашего брата, покупателей, много найдется, – сказал Соломон, спрятал зеркало в мешок и собрался было уходить.

– Постой, я подумаю, – говорит царица. Думала она, думала и, наконец, согласилась на предложение Соломона, очень уж ей захотелось иметь у себя зеркало.

– Заходи скорее в горницу, – говорит она Соломону. Соломон вошел в комнату, скинул с себя одежду странника, стер с лица краски и говорит: – Ну, мать, узнаешь ли ты меня? Скажи теперь, есть ли на свете добродетельная женщина, о которой я тебе говорил.

Как узнала царица в страннике своего сына, перепугалась страшно и говорит: «Прости меня, Соломон! Ты правду сказал, что не найдется на свете такой женщины, которая на что-нибудь да не прельстилась бы соблюла бы себя в чистоте».

После этого случая Соломон разогнал своих жен: «Нет вам веры ни на волос, ступайте от меня на все четыре стороны! Будет, побаловался с вами и довольно!».

Потом Соломон обратился к истинному Богу, раскаялся в грехах и стал держать при себе только одну жену» [10, с. 187–189].

Большой популярностью среди нижнетерцев пользовались сказки, в которых высмеивались женские пороки. В качестве примера приведем сказку «Одна или три жены лучше». «Жил-был один бедный человек, у него была одна жена. А у богатого соседа были три жены. И бедный всегда завидовал ему: «ты всех прокармливаешь. Живешь богато. А я не могу одну прокормить». Раза два так сказал. Богатому это надоело. Он и говорит: «Дай мне твою жену и хозяйство, а я тебе три жены и имение». Бедный думал-думал, в чем дело. «Ну что ж, давай, – говорит, – поменяемся». Поменялись. Бедный стал богатым, а богатый стал бедняком.

Бывший бедный задумался: «В чем дело? Жены красивые. Изучить их надо, что они с собой представляют. Проверил, убедился, что одна из них ворует, вторая любовников имеет, а третья – языком мелит, болтает». Когда он все это узнал, то пошел на озеро со всеми тремя купаться. Он берет одну из них, идет в озеро, ее на руках держит. И спрашивает: «Почему с тобой муж не стал жить? Если не сознаешься отсюда не выйдешь – утоплю». Ей волей-неволей пришлось сознаться: «Я ворую».

– Как ворует?

– Да вот, когда муж дает деньги отнести, я их обязательно переполовиню, имею свою личную кассу. – Он перенес ее на другой берег, оставил.

Пошел со второй, занес на реку и стал допытываться, почему муж не стал с ней жить? Эта жена говорит: «У меня слишком длинный язык». Он тоже перенес ее на тот берег.

Третью жену взял, понес и на середине реки точно также допытывался. Та и говорит: «Я люблю чужих мужиков принимать». Он ее тоже вынес на берег. Возвращается он домой и перестраивает дом. В одной комнате делает два входа – со двора и с улицы, и поселяет туда ту жену, которая любовников принимает, и говорит: «Вот если у тебя будет любовник, ты его принимай с этой стороны, тогда я с другой зайду, или наоборот». Ее одолела совесть, и она не стала больше любовников принимать.

Другой жене, которая воровала, – он собрал ключи со всего имения и вручил ей. Когда она поняла, что воровать не от кого, сама хозяйка – то перестала воровать.

А вот третью жену, которая сплетничала, как он ни старался перевоспитать не мог.

Самое страшное – это длинный язык, никогда не перевоспитаешь» [6, с. 136–137].

Для полной иллюстрации приведем еще одну сказку, в которой высмеивается такой женский порок, как сварливость. «Одну бабку дед бил. Как придет пьяный, бабку бьет. А бьет за то, как придет – бабка начинает точить.

– Ну, кума, бьет дед, – жалуется она соседке.

– Ты знаешь что, кума, – та говорит, – ты беги к деду, что наговаривает воду. Тогда тебя дед пальцем не тронет. Она взяла баллон и пошла к деду. А соседка договорилась с дедом, что наговорит куме.

Дед говорит: «Знаешь что, надо наговаривать в двенадцать часов, и уйдешь, когда солнце взойдет, утречком пораньше». Она пришла. Он говорит: «Как дед пьяный придет, ты этой воды набери в рот – и не глотай, и не выплевывай. Тебя дед пальцем не тронет».

Вот дед пришел, ругает, а бабка молчит. Он тогда лег и уснул. А бабка выплюнула воду и говорит: «А черт старый, помогла водичка» [6, с. 138].

В отличие от семейно-бытовых и сатирических сказок, конец которых в большинстве случаев счастливый, легенды о любви почти всегда, заканчивались печально. Несмотря на это, у нижнетерцев они пользовались огромной популярностью и любовью.

Наиболее ярко тема любви отражена в лирических песнях, четверостишиях, которые помогали людям, особенно молодым, выражать свои симпатии и чувства. Их пели и в дни радости, и в дни печали, разлуки с любимыми друзьями, с любимым человеком, пели, мечтая о лучшем будущем, пели, изливая свою печаль. Для исполнения лирических песен не требовалось определенных навыков и сильного голоса, их мог исполнить каждый. Этим объясняется их широкое распространение.

В лирических песнях нашли отражение и гендерные роли, выполняемые мужчинами и женщинами в семье, их повседневные гендерно-маркированные занятия. Так, в одной из них перечисляются гендерно-маркированные предметы, характерные для мужского пола:

*«Продала девчонка пролетку
и купила казаку плетку.
Она ему плетку купила
она его сильно любила.
Продала девчонка сало
и купила казаку трубку.
Она ему трубку купила
она его сильно любила.
Продала девчонка сало
и купила казаку кресало.
Она кресало купила
она его сильно любила.
Продала девчонка барашку
и купила казаку шапку.
Она ему шапку купила
она его сильно любила.
И когда продала все девчонка
она стала ему женка».*

Кстати, наиболее ярко гендерно-маркированные занятия отражены в семейно-бытовых песнях. Приведем лишь некоторые из них:

*«На заре было, да на зореньке
На заре было, да на утренней,
Красна девка коровушку доила,
Сквозь платочек молочко цедила».*

Или:

*«Зеленый, ай мой садочек,
Ай да кто же его,
Его ай чередить будет,
Родимая матушка ай она старым стара.
Сестрица родимая, ай да она глупым глупа».*

Или же:

*«Жала, жала девица
Шелкову траву,
Наколола ноженьку
Девица свою».*

Как видно из песен, женский труд включал в себя не только работы по дому, но работы в саду, в поле.

В условиях патриархального быта лирические песни, четверостишия порой имели завуалированный смысл, они, как правило, исполнялись в широком кругу, во время коллективных

работ, их не посвящали конкретному лицу, но все присутствующие догадывались, кому она адресована.

В лирических песнях описывались чувства, яркими красками изображались черты девушки или юноши, воспевался их внешний облик, красота, моральные качества и т.д. Так, например, молодая казачка пела:

*«Для тебя я жила, росла и любила,
И тебе я всю жизнь отдала,
Как цветок ароматный весной,
Для тебя одного расцвела».*

На совместных посиделках часто устраивали песенные состязания, в которых также в завуалированной форме молодые люди признавались друг другу в любви. Так, например, юноши и девушки поют:

Девушки: *Оханьки да ахоньки
Каки ребята махоньки,
Из-за кочек, из-за пней
Не видать наших парней.*

Юноши: *Что вы девки не поете?
Аль хороших парней ждете?*

Девушки: *Нам хороших не дожидаться,
Они рано спать ложатся.*

Тема взаимоотношений полов, культурных ролей мужчин и женщин и их статусов в семье, обществе представлена в семейно-обрядовом фольклоре, который сопровождал все важные события в жизни человека.

Одним из самых значимых мероприятий считается свадьба, все этапы которой сопровождалась величальными песнями и здравицами.

Свадебный фольклор нес огромную идейно-нравственную нагрузку, с его помощью передавались традиции и опыт предшествующих поколений, происходило усвоение молодыми гендерных ролей. Как правило, величальные песни, здравицы, пожелания адресовались невесте, так как в народе считали, что от нее зависит благополучие и достаток в доме, рождение детей, особенно сыновей.

Много добрых, а иногда и назидательных наставлений во время свадьбы высказывали невесте и у нижнетерских казаков, в которых отражены и конкретные пожелания по поводу её поведения в доме мужа:

*«А у Саши одна думушка была,
Чтобы Дуся его жёнушка была,
Чтобы белую постельку прибрала,
Чтобы кушать на стол Саше подала» [5, с. 111].*

В свадебном фольклоре нашли отражение и гендерные релевантные стереотипы, закреплённые в обществе. У жениха поощрялось наличие коня, оружия из чистого серебра, в то время как непременным атрибутом приданого невесты являлся большой сундук. Так, у казаков во время свадьбы в шуточной форме пели:

*«Уж вы девушки-подруженьки мои,
Вы берите золотые ключи,
Отпирайте внутренние замки,
Вынимайте нижегородского сукна,
Вы скройте моему милому сюртук,
Чтобы ни длинный, ни коротенький,
На подолике растрепчатый,
К ретиву сердцу прижимчатый» [5, с. 104].*

Или:

*«Сестрицы подружки,
Несите подушки,*

*Меха пуховые,
С головы высокие.
Сестрицы Машеньки,
Несите перины,
Меха пуховые,
С головы высокие.
Свашенька гостей ждала,
Коврами двор стлала,
Коврами, бобрами,
Черными соболями» [11, с. 134].*

Женские представления о семейном счастье, гендерных ролях нашли отражение и в колыбельных песнях. Почти во всех колыбельных матери желают детям брака по взаимной любви и семейного благополучия. Так, казачка, убаюкивая дочь, поет:

*«Катись, катись, яблочко,
куда котишься.
Отдам тебя, доченька,
за кого тебе хочется.
Ой да не за старого,
не за малого,
ой да за казаченьку
разудалого».*

У нижнетерских казаков тема взаимоотношений полов нашла отражение и в афористическом жанре – пословицах, поговорках.

Анализ паремий показывает, что у нижнетерцев, как и у других дагестанских народов, особое внимание уделялось вопросам создания счастливой семьи. Поэтому особое внимание уделялось выбору супружеской пары. Причем в паремиях обычно речь идет о выборе жены, а не мужа, что является наглядным отражением той реальной действительности, существовавшей в XIX – начале XX века у народов России повсеместно, в том числе и у нижнетерских казаков. Так, например, у казаков говорят: *«Жениться – это не колодезной воды напиться»*, *«Жениться – не напасть, да как бы после не пропасть»*.

В пословицах и поговорках можно встретить немало конкретных рекомендаций и по выбору жены. Так, например, у нижнетерцев говорят: *«Когда выбираешь ситец, смотри на длину, когда выбираешь невесту, смотри на мать»*, *«Глядя на мать, бери дочь»*, *«Лучше на убогой жениться, чем век с богатую волочиться»*, *«Бери, чтоб не каяться, жить в любви да не маяться»*, *«Жену выбирай не глазами, а ушами»*, *«У цыгана не купи лошади, у попа не бери дочери»*, *«Гляди семью, откуда берешь жену»*, *«Хороша дочь Аннушка, да хвалит мать да бабушка»*.

Много пословиц и поговорок посвящено согласию или, наоборот, разладу в семье. Дружная семья всегда восхваляется, сравнивается с богатством, недружную семью сравнивают с великим бедствием. Так, у казаков говорят: *«Любовь да совет – там горя нет»*, *«Коли у мужа с женою лад, так не надобен и клад»*, *«Согласие да лад – в семье клад»*, *«Согласную семью и горе не берет»*, *«Вся семья вместе, так и душа на месте»*, *«Семейное согласие всего дороже»*, *«В недружной семье добра не бывает»*, *«В родной семье и каша гуще»*, *«В семье дружат – живут не тужат»*, *«В семье разлад, так и дому не рад»*, *«Семейный горшок всегда кипит»*, *«Семья сильна, когда над ней крыша одна»*.

Особое положение в семье, несмотря на то, что главой семьи являлся мужчина, занимала женщина, именно она, судя по поговоркам и пословицам, являлась хранительницей семейного очага. Нижнетерцы говорят: *«Муж голова, жена – шея»*, *«Голову – отцу, шею – матери»**[*Традиция подавать мужчине вареную баранью голову, по всей вероятности, была перенята нижнетерскими казаками у ногайцев. Данная традиция свойственна многим кочевым скотоводческим народам, согласно которой баранья голова подается мужчинам, а шея – женщинам. Вареную голову нижнетерские казаки в знак особого уважения подавали и гостю], *«У хорошей жены и плохой муж будет молодцом»*, *«Любящая мать – душа семьи и украшение жизни»*, *«Материнская молитва со дна моря достает»*, *«Материнский гнев, что весенний снег: и много его выпадет, да скоро растает»*, *«Мать всякому делу голова»*, *«Мать кормит детей, как*

земля людей», «Мать приветная – ограда каменная», «Мать всякому делу голова», «Сердце матери лучше солнца греет», «Без отца – полсироты, а без матери и вся сирота».

Хорошую жену боготворили и восхваляли. Так, у казаков существуют пословицы – «Мир в семье женой держится», «Любящая мать – душа семьи и украшение жизни», «С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне», «Основа счастья мужчины – жена», «Жена – опора дома», «Кто не вдовел, тот беды не терпел», «Где жена голова – там и достаток».

О роли женщины в семье и в обществе свидетельствуют даже те пословицы и поговорки, в которые избобличают женские пороки. Так, например, казаки говорят: «Добрая жена хозяйству научает, а злая от дома отлучает», «Добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом разнесет».

В общественном сознании женщина без семьи, детей представлялась неполноценной, ущербной, только замужество обеспечивало ей социальный статус и признание в обществе. Это особенно отчетливо видно в тех паремиях, где подчеркивается роль мужчины в жизни женщины: «Без мужа – что без забора, без жены – что без крыши», «Женщина без мужа, что иголка без нитки», «Женщина без мужа – сирота», «Женщина без мужа – конь без узды», «Красна пава перьями, а жена мужем».

К афористическому жанру относят и загадки, происхождение которых исследователи, прежде всего, связывают с бытовыми и производственными запретами – табу, регламентировавшими жизнь и деятельность древнего человека [1, с. 411]. С этим, как нам кажется, и связано бытование у нижнетерских казаков обширной группы загадок о трудовых занятиях и ремеслах.

Загадки служили средством испытания ума, развития наблюдательности, смекалки, помогали глубже познавать окружающий мир, знакомили детей с трудовыми обязанностями мужчин и женщин, с гендерно-маркированными орудиями труда. Загадка была построена таким образом, чтобы ребенок на основе собственных наблюдений и знаний об окружающем мире мог разгадать её. Так, например, если в загадке речь шла о твердых материалах, то ответ был связан с мужскими орудиями труда, если о мягких – с женскими. В качестве примера приведем лишь некоторые из них: «Одноглазая старушка узоры вышивает» (игла), «Одна подружка пролезла другой в ушко» (иголка с ниткой) «Сам худ – голова с пуд, на работу вышел – каждый услышал» (молоток), «Бьют Ермилку по затылку, он не плачет, только носик прячет» (гвоздь), «Кланяется, кланяется, придет домой – растянется» (топор), «Один братец отдыхает зимой, другой – летом» (телега и сани), «Два кума Абакума, две кумы Авдотьи, шесть Фалееев, да девять Андреев» (сани), «Два брата бранятся – не наспорятся, друг с другом дерутся – не разойдутся» (жернова), «Старик с мальчиком шел, мальчика спросили: Какая тебе родня старик? Он отвечал: Его матушка моей матери – свекровь. Какая это родня?» (дядя), «Пятеро воинов сошлись на поле боя, стоят прямо – смотрят упрямо, а как в схватке сошлись – крепко обнялись, невидно поля боя под телами воинов» (ладонь и кулак), «Выгляну в окошко лежит долгий Антошка. Кабы он встал – до неба достал; Сам не ходит, а других водит» (дорога), «Сошлись три батрака и говорят – один: «Мне летом тяжело!», другой: «Мне зимой тяжело!», третий: «Мне всегда тяжело!» (телега, сани, лошадь), «Мать толста, дочь красна, сын – бес, долетел до небес» (печь, огонь, дым).

Итак, в XIX – начале XX века в устном творчестве нижнетерских казаков нашли отражение существовавшие в обществе гендерные отношения и стереотипы, главными из которых являлись «патриархатные».

Через устное народное творчество общество не только формировало и распространяло «патриархатные» ценности и установки, но и контролировало их соблюдение.

Таким образом, фольклор нижнетерцев представляет собой ценный источник для воссоздания целостной картины гендерно-этнических и социальных стереотипов в традиционном обществе нижнетерских казаков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аджиев А.М. Устное народное творчество кумыков. Махачкала, 2005. – 428 с.
2. Былины: сборник / Вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б.Н. Путилова. Л.: Сов. писатель, 1986. – 552 с.
3. Гимбатова М.Б. Мужчина и женщина в традиционной культуре тюркоязычных народов Дагестана (XIX – нач. XX в.). Махачкала: Эпоха, 2014. – 392 с.
4. Добрыня Никитич и Алеша Попович / АН СССР; Изд. подгот. Ю.И. Смирнов, В.Г. Смолицкий; Отв. ред. Э.В. Померанцева. М.: Наука, 1974. – 447 с.

5. Русская песня в Дагестане (в записях 1964–1969 гг.). Публикация, вступ. статья и комментарии В.С. Кирюхина. Отв. ред. Б.Н. Путилов. Махачкала, 1975. – 261 с.
6. Русский прозаический фольклор в Дагестане и на Северном Кавказе (в записях 1972–1975 гг.). Отв. ред. Э.В. Померанцева и В.И. Костин. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1980. – 244 с.
7. *Скрипник А.П.* Моральное зло в истории этики и культуры. М.: Политиздат, 1992. – 335 с.
8. *Суковатая В.А.* Сатира как репрессия: гендерные политики в бытовом фольклоре (На материалах восточнославянских сказок) // *Общественные науки и современность*. 2000, № 4. С. 103–108.
9. *Бутова Е.* Станица Бороздинская // *Список материалов для описания местностей и племен Кавказа* (далее – СМОМПК). Вып. 7. Тифлис, 1889, с. 3 – 156.
10. Из области суеверий и устной словесности терских казаков // СМОМПК. Вып. 26. Тифлис, 1899. С. 167–244.
11. *Максимов Е.* Терское казачье войско // *Терский сборник. Приложение к Терскому календарю* (далее – ТС. Приложение к ТК) на 1891 год. Вып. 1. Владикавказ, 1890. С. 49–65.
12. *Шушанян Н.С.* Гендерный стереотип в фольклоре как отражение менталитета народа (на примере былины) // *Вестник Адыгейского государственного университета*. Сер. 2. Вып. № 2 (121). 2013. С. 1–5.

REFERENCES

1. *Adzhiyev A.M.* Ustnoye narodnoye tvorchestvo kumykov. Makhachkala. 2005. – 428 s
2. *Byliny: sbornik / Vstup. st.. sost.. podgot. tekstov i primech.* B.N. Putilova. L.: Sov. pisatel. 1986. – 552 s.
3. *Gimbatova M.B.* Muzhchina i zhenshchina v traditsionnoy kulture tyurkoyazychnykh narodov Dagestana (XIX – nach. KhKh v.). Makhachkala: Epokha. 2014. – 392 s.
4. *Dobrynya Nikitich i Alesha Popovich / AN SSSR; Izd. podgot. Yu.I. Smirnov. V.G. Smolitskiy; Otv. red. E.V. Pomerantseva.* M.: Nauka. 1974. – 447 s.
5. *Russkaya pesnya v Dagestane (v zapisyakh 1964–1969 gg.). Publikatsiya. vstup. statia i kommentarii V.S. Kiryukhina.* Otv. red. B.N. Putilov. Makhachkala. 1975. – 261 s.
6. *Russkiy prozaicheskiy folklor v Dagestane i na Severnom Kavkaze (v zapisyakh 1972–1975 gg.).* Otv. red. E.V. Pomerantseva i V.I. Kostin. Makhachkala: Dag. kn. izd-vo. 1980. – 244 s.
7. *Skripnik A.P.* Moralnoye zlo v istorii etiki i kultury. M.: Politizdat. 1992. – 335 s.
8. *Sukovataya V.A.* Satira kak repressiya: gendernyye politiki v bytovom folklore (Na materialakh vostochnoslavyanskikh skazok) // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. 2000. № 4. S. 103–108.
9. *Butova E.* Stanitsa Borozdinskaya // *Spisok materialov dlja opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza* (dalee – СМОМПК). Вып. 7. Tiflis. 1889. S. 3 – 156.
10. Из области суеверий и устной словесности терских казаков // СМОМПК. Вып. 26. Tiflis. 1899. S. 167–244.
11. *Maksimov E.* Terskoye kazachye voysko // *Terskiy sbornik. Prilozhenie k Terskomu kalendarju* (dalee – ТС. Prilozheniye k ТК) на 1891 год. Вып. 1. Vladikavkaz. 1890. S. 49–65.
12. *Shushanyan N.S.* Gendernyy stereotip v folklore kak otrazheniye mentaliteta naroda (na primere byliny) // *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 2. Вып. № 2 (121). 2013. S. 1–5.